

«КАК БОЛЬШЕВИКИ ПРОИГРАЛИ АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ БОРЬБУ»: КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И МУСУЛЬМАНЕ СИМБИРСКОЙ/ УЛЬЯНОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

КОБЗЕВ

Александр Викторович,

кандидат исторических наук, доцент,
Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И.Н. Ульянова (432700, г. Ульяновск,
пл. 100-летия со дня рождения
В.И. Ленина, д. 4).
E-mail: alkobzev@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается антирелигиозная пропаганда и агитация среди нерусского мусульманского населения Симбирской/Ульяновской губернии в 1920-х гг. в рамках конфессиональной политики Советского государства. Статья написана на основе партийных делопроизводственных документов Государственного архива Новейшей истории Ульяновской области. Государству и партии не удалось добиться серьезных успехов в насаждении атеистического мировоззрения среди татар-мусульман. В связи с этим использование силовых методов подавления религии на рубеже 1920–1930-х гг. носило вынужденный и закономерный характер. Закономерный – в связи с глобальным социальным переустройством общества и ликвидацией традиционных основ жизни в ходе коллективизации; вынужденный – был связан с провалом антирелигиозной работы и пропаганды в 1920-х гг. на местах.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, татары, антирелигиозная пропаганда и агитация, конфессиональная политика советского государства, Симбирская/Ульяновская губерния

Политика СССР в отношении религии, верующих и религиозных объединений была конфессиональной по объекту управления, атеистической по конечным целям и задачам и, наконец, антирелигиозной по методам, средствам и формам подавления религии в стране. Внутренне, по своему существу конфессиональная политика Советского государства была противоречива. С одной стороны, она предполагала отрицание религии, предусматривала ее подавление, и вытеснение на периферию общественного сознания и жизни людей. С другой стороны, в насаждении государственной идеологии атеизма имела место имитация религии с опорой на народную религиозность. Создаваемая партией и государством советская квазирелигиозность была призвана заменить традиционную религиозность населения. Имитация религии большевистской доктриной прослеживается на уровне идеологии, институциональной организации партии большевиков, а также на поведенческом уровне¹.

¹ Семенов-Басин И.В. Символы русского православия и советской «политической религии» // Общественные науки и современность, 2008. № 4; Игнатов А. Отрицание и имитация: две стороны коммунистического

Антирелигиозная политика Советского государства была многосторонней и выстраивалась в зависимости от социальных страт, на которые она была рассчитана. С одной стороны, потенциальным объектом этой политики выступало все советское общество. С другой — государству приходилось учитывать множество факторов, присущих этническим и конфессиональным сообществам и реализовывать дифференцированный подход в отношении различных социальных групп. Эта политика охватывала многочисленную массу беспартийных советских людей и одновременно была рассчитана на коммунистов, комсомольцев и пионеров, хотя априори и предполагала их абсолютную антирелигиозность. Как было заявлено в протоколе за № 8 заседания АПО укома по Коржевской волости от 7.10.1927 г. в разделе «На вопросы ответы»: «Антирелигиозная работа совершенно не ведется, у некоторых членов партии имеются иконы, даже у самого секретаря ячейки. Они говорят: Все равно мы не молимся, и иконы нам не мешают, только нет иконы неудобно от соседей»¹. Ее методы варьировались в зависимости от того, где она реализовывалась: в городе в пролетарской среде или в деревне среди крестьянского русского и нерусского населения.

Анализ архивных документов Государственного архива Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО) за 1920-е гг. позволяет в рамках конфессиональной политики государства реконструировать цели и задачи антирелигиозной работы и пропаганды, их формы, количественные показатели, выявить содержание и тематику антирелигиозной работы и пропаганды, оценку состояния антирелигиозной пропаганды на местах и причин ее неудач партийными функционерами.

Как показывает анализ письменных источников, все формы антирелигиозной работы государства и партии на местах сводились к двум основным группам: 1) формы антирелигиозной работы, направленные непосредственно на борьбу с религией и 2) формы работы, призванные заполнить досуг советского человека и отвлечь его от участия в религиозных обрядах и праздниках. Полных статистических данных о числе проведенных антирелигиозных мероприятий в документах 1920-х гг. нет, в основном сведения носят фрагментарный характер. В частности, затруднительно дифференцировать антирелигиозные кружки и кружки/ячейки безбожников. К 1928 г. в губернии ячейки безбожников охватывали всего 286 чел. Заметный рост численности членов ячеек безбожников приходится на 1929 г. — она выросла в 3,5 раза и составила 1015 чел².

В 1924–1925 гг. в отдельных волостях и уездах губернии действовали кружки друзей газеты «Безбожник»: в Сенгилеевском уезде — 2 ячей-

отношения к религии // Вопросы философии, 2001. № 4; Андреева Л. А. «Православный строй» и коммунистический режим // Общественные науки и современность, 2010. № 6. С. 108; Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009.

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1359. Л. 154.

² ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 663. Л. 54об.

ки, в Карсунском уезде — 13 ячеек¹. В течение 1926–1929 гг. отмечалось функционирование ячеек безбожников в татарской семилетней школе в г. Ульяновске, в деревнях Старое Тимошкино, Енганаево, Новые Тимерсяны, Новая Бесовка, Новая Малыкла и Тюгальбуга². В целом, к концу 1920-х гг. в губернии так и не сформировалась полнокровная и разветвленная сеть ячеек безбожников.

Немногочисленными в 1920-е гг. оставались и антирелигиозные кружки, организуемые при рабочих клубах в городах и избах-читальнях в деревнях. По неполным данным за 1925 г., в губернии в Ардатовском, Карсунском и Ульяновском уездах действовало всего 77 антирелигиозных кружков с общим охватом в 720 чел³. В 1926 г. коллегия АПО губкома отмечала, что в 15 клубах в губернии действовали 84 кружка различной направленности, в т. ч. и антирелигиозные. Из 84 кружков антирелигиозных было всего 2. В них были задействованы 71 чел., что составляло всего 3% общей численности советских граждан, посещающих кружки при клубах⁴. По сравнению со спортивными и драматическими кружками антирелигиозные кружки не пользовались особой популярностью среди населения губернии. Так же как и в случае с ячейками безбожников, антирелигиозные кружки были малочисленными, масштабы охвата населения были незначительными.

Нередко в источниках отмечалось, что те или иные антирелигиозные мероприятия, такие как публичные дискуссии, диспуты, доклады и лекции, привлекали значительное число людей⁵. Например, в 1924 г. во время пасхальной кампании в Ульяновске в Свердловском саду прошла антирелигиозная дискуссия с участием 5 тысяч горожан⁶ в качестве зрителей. Однако вряд ли будет обоснованным утверждение, что подобное любопытство или интерес к дискуссии у горожан был вызван осознаваемой антирелигиозной мотивацией и чувствами. На это обращают внимание и сами представители партии и власти. В тезисах об агитационной работе губкома РКП(б) между двумя партконференциями (1923–1924 гг.) отмечалось, что «интерес к дискуссиям и докладам на антирелигиозные темы замечается большой; в фабричные районы на эти дискуссии съезжаются из окрестных деревень крестьяне; однако утешаться еще не приходится — конкретных результатов еще не видно (изгнание попов, закрытие церквей и т. д.), дискуссии определенно имеют спортивный характер»⁷.

В целом же реакция верующих на проводимые антирелигиозные мероприятия была неоднозначной. Как отмечалось выше, отдельные ме-

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 144; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 15–15об.

² ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 279. Л. 1; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 663. Л. 59об; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 665. Л. 14; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 93–94, 107.

³ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 943. Л. 64; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 88; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1465. Л. 164.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1147. Л. 220.

⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 680. Л. 33об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 23. 25.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 511. Л. 32.

⁷ ГАНИ УО, ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 37–37об.

роприятия проходили при большом стечении народа. Однако вряд ли за этим стояло стремление к усвоению атеистических убеждений. Нередко в документах отмечалась негативная реакция верующих. В протоколах и резолюциях 1920-х гг. настоятельно рекомендовалось воздержаться от оскорбления религиозных чувств и «сабельных наскоков» на веру и религию. Чаще всего ярко выраженный конфликтный характер носили антирелигиозные мероприятия, проводимые комсомолом, — художественные постановки, инсценировки, спектакли, уличные демонстрации, комсомольские байрамы и рождество¹. В документе о «Массовой работе деревенской организации» от 31.12.1924 г. отмечалось, что «в практике комсомольской антирелигиозной работы нередко случаи недостаточного тактичного подхода к крестьянству; антирелигиозная работа была слишком крикливой и поверхностна... необходимо перейти к систематической углубленной работе, отказавшись от малосодержательной шумихи»². В этом же году секретарь губкома РКП(б) направил всем уездам РКП(б) секретный циркуляр, в котором говорилось, что «никоим образом нельзя применять такие формы массовой антирелигиозной пропаганды как диспуты, инсценировки, которые задевают и оскорбляют чувства верующих, особенно крестьян»³.

Власть была вынуждена считаться с прочными религиозными традициями, существовавшими в быту преобладающего в губернии крестьянского населения, нередко негативно реагировавшего на антирелигиозные мероприятия государства. Даже такие, казалось бы, на первый взгляд безобидные формы работы, как критика служителей культа в стенгазете могла, вызвать сильное недовольство со стороны верующих. В апреле 1926 г. на заседании Больше-Сайманской ячейки ВКП(б) обсуждалась реакция жителей деревни на стенгазету, вывешенную на стене сельсовета. В протоколе заседания партийной ячейки отмечалось, что некоторые жители деревни высказывались с угрозами в адрес коммунистов по поводу стенгазеты с критикой имамов во время уразы. С целью разрешить напряженную ситуацию было созвано собрание граждан, на котором последние пытались выяснить, кто и зачем повесил стенгазету. В ходе собрания угрозы расправы раздавались в адрес членов местной партийной ячейки. По итогам заседания партийной ячейки было принято решение обо всем донести в вышестоящие органы, в т. ч. и в ГПУ⁴.

В связи с этим в документах достаточно часто подчеркивалась необходимость осторожного подхода к антирелигиозной пропаганде, прежде всего среди нерусского крестьянского и особенно мусульманского населения. Например, в инструкции секретаря Татаро-башкирского бюро от 7 марта 1927 г. говорилось о необходимости воздержаться от художественных постановок, «возбуждающих» религиозные чувства

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 938. Л. 66; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 33об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1161. Л. 14.

² ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 54–55.

³ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 715. Л. 196.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1162. Л. 82–82об.

верующих, и предпринять усилия, чтобы художественные постановки были выдержанным и не содержали бы сюжетов, оскорбляющих чувства мусульман¹.

В рамках антирелигиозной пропаганды в 1920-х гг. партийные агитаторы и пропагандисты читали лекции и выступали с докладами на самые разные темы, которые условно можно подразделить на несколько групп. Это были темы естественнонаучной направленности, нацеленные на выяснение таких вопросов, как происхождение мира, земли, человека, природных явлений, анатомии человеческого тела. Доклады на эти темы, так же как и на сельскохозяйственную тематику, прежде всего, были ориентированы на крестьян, в т. ч. и на нерусское население. Помимо этого, агитаторы и пропагандисты освещали вопросы религиозного плана — происхождение и историю религии и религиозных праздников, суеверий, классовую сущность религии и ее реакционную роль в жизни общества и государства, взаимосвязь духовенства, в т. ч. и мусульманского, с кулаками. Затрагивались и темы мировоззренческого характера — вера и ее необходимость в жизни человека, существование Бога и души. Наконец, существовал блок материалов, направленных на раскрытие политики большевиков в отношении религии, отношения к ней коммунистов; разъяснение декретов об отделении церкви от государства и церкви от школы.

В оценках партийными функционерами состояния и результатов антирелигиозной пропаганды и агитации в течение всех 1920-х гг. фиксировались одни те же проблемы, которые стояли перед государством в начале 1920-х и остались практически не разрешенными к концу третьего десятилетия XX в. Отсутствие подготовленных кадров, разработанных планов антирелигиозной работы и пропаганды, слабое участие учителей, недостаток антирелигиозной литературы, неизжитость «религиозных предрассудков» среди коммунистов и комсомольцев назывались в качестве основных обстоятельств, не позволявших добиться значительных успехов в борьбе с религией. Практически на всех уровнях власти, начиная от партийных и комсомольских ячеек в деревнях и городах и заканчивая губернским уровнем власти, отмечалось, что антирелигиозной пропаганде уделяется мало внимания, ячейки союза безбожников слабые, не пользуются авторитетом среди населения, антирелигиозные кружки функционируют нерегулярно. В ряде районов антирелигиозная работа велась слабо либо вовсе остановилась. Антирелигиозные кампании в дни православных и мусульманских праздников проходили неорганизованно; антирелигиозные мероприятия в целом проводились спонтанно — от одной кампании во время религиозных праздников до другой². В партийных документах того времени указывалось на отсутствие специального подхода к так называемым нацио-

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 16.

² ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1359. Л. 154; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 45; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 663. Л. 38. 59об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 790. Л. 139об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 88. 144. 169; Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 936. Л. 18.

нальным меньшинствам, на нехватку на местах антирелигиозной литературы на национальных языках, отсутствие опытных руководителей. Ячейки Союза безбожников во многих нерусских селах так и не были организованы, учителя практически не участвовали в антирелигиозной работе в школе, а комсомольцы и коммунисты подходили к ней формально и индифферентно¹.

В 1921 г. в отчете о работе АПО губкома РКП(б) говорилось, что антирелигиозная пропаганда так и не приобрела массовый характер и в условиях голода дальше вопроса об изъятии церковных ценностей не пошла². Не смогла она приобрести массовый характер и в последующие годы. В 1925 г. было отмечено, что в татарских ячейках РЛКСМ практически ничего не делают, несмотря на указания, спускаемые сверху³. Карсунский и Сызранский укомы РКП (б) вынуждены были признать, что антирелигиозная работа и пропаганда поставлены из рук вон плохо⁴. Коллегия АПО Ульяновского губкома РКП(б) отмечала, что «антирелигиозная пропаганда почти замерла, кружки безбожников распущены, а ячейки общества друзей газеты Безбожник еще в работе себя не проявили»⁵. Состоявшееся в этом же году совещание коллегий АПО по вопросу «Организационные формы руководства массовой пропагандой и агитацией» констатировало, что «в губернии антирелигиозная пропаганда поставлена слабо (борьба против недопустимых методов привела местами к полному отказу от антирелигиозной пропаганды)...»⁶. В 1929 г. Ульяновский окружком вынужден был констатировать, что «антирелигиозной работе уделяется ничтожное внимание», «еще слабы и недостаточно авторитетны организации безбожников», «антирелигиозная работа ведется отвлеченно, без увязки с хозяйственной и политической жизнью деревни»⁷.

Наряду с общими обстоятельствами, не позволявшими добиться заметных и коренных успехов на антирелигиозном фронте, власти указывали на общую экономическую и культурную отсталость нерусского населения, темноту и несознательность крестьян⁸. При этом особо подчеркивалась специфичность работы с мусульманским населением губернии, воспроизводился устойчивый стереотип дореволюционного времени — «крайний религиозный фанатизм», присущий татарам-мусульманам. В октябре 1922 г. организационно-агитационный отдел при уездкоме РКП(б) Карсунской уездной организации сообщал в губком, что «важно бы повести антирелигиозную работу среди татар (как более

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 790. Л. 139об; Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 936. Л. 18; Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 22; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 663. Л. 54об, 62; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 661. Л. 7–8; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 38.

² ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 74–75.

³ ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 5.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 790. Л. 97; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 88. 101. 169; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 945. Л. 27–27об, 45–45об, 142.

⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 941. Л. 57.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 935. Л. 144; Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 271.

⁷ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 278. Л. 49.

⁸ ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 20; Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 68об.; Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 60; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1159. Л. 41; Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 964. Л. 3об.

религиозно-фанатических), но эту работу за неподготовленностью товарищей Укома проводить не решается»¹. В отчете о работе «среди нацмен молодежи» с 1.01.1926 по 1.01.1927 г. отмечалось, что «среди татар особенно крепко сидит религия», более того, «много еще татарских комсомольцев, которые верят своему аллаху и тайно от ячейки молятся, о беспартийных и говорить не приходится...»².

По статистическим данным на 1 июля 1926 г. в Ульяновской губернии татары-мусульмане проживали в Ульяновском, Карсунском, Ардатовском и Сызранском уездах, их насчитывалось 42 250 чел. Их доля в общей численности населения губернии составляла всего 2,8%³. Характеристика религиозной жизни татар-мусульман Симбирской/Ульяновской губернии в 1920-х гг. носила исключительно оценочный, нередко негативно окрашенный характер и подавалась в фокусе хозяйственно-политических задач партии и государства. Как правило, татары фигурировали в партийных источниках того времени как «отсталая масса», в чьем быту отсутствуют какие-либо перемены. Сознание мусульман находится в плену «религиозного дурмана», и в связи с этим классовое сознание выражено слабо. Именно приверженность татар-мусульман своей вере рассматривалась властями как препятствие к их советской социализации, которая оценивалась по числу пионерских отрядов, числу вступивших в комсомол и партию, численности женщин-делегаток⁴. Тем не менее практически во всех выявленных документах этого периода отмечается высокий уровень религиозности татар-мусульман. Дети, их родители, взрослые, школьные учителя, крестьяне в целом оставались приверженными основам ислама⁵. Признаками незначительного ослабления религиозного влияния считались изменение поведения молодежи, которая стала меньше ходить в мечеть, стала реже слушаться родителей в выборе будущего мужа или жены и даже позволяла себе раскуривать табак при мулле⁶.

Достаточно часто при характеристике религиозной ситуации среди мусульман использовалась категория «религиозное движение». В 1926–1927 гг. под «религиозным движением» в губернии понимались инициативы мусульман по открытию религиозных школ, строительству новых мечетей, организации религиозных приходов и усилению проповеднической деятельности служителей культа⁷. Другими словами, под формулировку «религиозные движение» подпадали, по сути, повседневные усилия верующих, направленные на поддержание институциональных основ функционирования мусульманской общины.

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 562. Л. 117–117об.

² ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 68об.

³ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1159. Л. 137.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 686. Л. 31об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 93об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1161. Л. 98; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 19; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1342. Л. 64.

⁵ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 663. Л. 25–29.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 371. Л. 120.

⁷ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 103–104об.; Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1359. Л. 81; Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 64об.

На всем протяжении 1920-х гг. можно выделить несколько общих черт и тенденций, характерных для конфессиональной политики советского государства в отношении мусульманской уммы. Вплоть до конца этого десятилетия кардинально не менялся юридический и политический статус религиозных объединений. В сложившемся религиозном законодательстве были четко прописаны их юридический статус и новое положение в обществе. Заключение типовых договоров все еще не представляло больших трудностей для верующих. Более того, имело место, по крайней мере на территории отдельных регионов Среднего Поволжья, усиленное строительство мечетей. До середины 1920-х гг., хоть и медленно, но их число росло. В разных формах сохранилась финансовая самостоятельность мусульманских религиозных приходов. По существу, они все еще могли функционировать в прежних дореволюционных рамках. Это касалось и вопросов религиозного обучения — у мусульманских общин все еще была возможность заниматься религиозно-просветительской и благотворительной деятельностью. Окончательно в это время сложилось и законодательство, регулировавшее положение духовенства. Государство использовало два основных рычага давления — экономический (в форме растущего налогообложения) и политический (в виде отнесения всех служителей культа к категории «лишенцев»)¹.

Принципиальный рубеж в конфессиональной политике СССР в довоенное время в ряде современных работ связывается с событиями конца 1920х — начала 1930-х гг. Такие исследователи, как В. О. Бобровников и И. Х. Сулаев, резкое ухудшение положения религии в СССР, наступление власти на религиозные институты ислама (шариатские суды, духовенство, религиозные приходы) относят к началу осуществления государственных программ индустриализации и коллективизации, что предполагало насильственное изменение структуры общества². Аналогичного взгляда придерживаются и казанские историки А. А. Мухаметзянов и И. Р. Миннуллин, отмечающие совпадение эскалации антирелигиозной политики и ширококомасштабных процессов индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Новые экономические отношения и построение советского бесклассового общества были несовместимы с существованием в СССР религии³. Массовое закрытие мусульманских культовых зданий в Татарской АССР в конце 1920-х гг., с одной стороны, послужило основой разрушения традиционных принципов функционирования махалля, с другой — подготовило необходимые социально-политические и идеологические условия для сплошной коллективизации⁴. Ю. Н. Гусева определяет 1930-е гг. как самые драматичные для всех верующих страны. Она также связывает резкий перелом в антирели-

¹ Мухаметзянов А. А., Миннуллин И. Р. Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.). Нижний Новгород, 2008. С. 51, 55, 75, 79, 97–99.

² Бобровников В. О. Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане // Этнографическое обозрение, 2001. № 3. С. 84; Сулаев И. Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане 1920–1930х гг.: из истории отношений // Российская история, 2007. № 6. С. 147.

³ Мухаметзянов А. А., Миннуллин И. Р. Указ. соч. С. 86.

⁴ Там же. С. 90.

гиозной политике Советского государства с начавшейся индустриализацией и коллективизацией и необходимостью подавления антисоветского и антиколхозного движения в лице кулаков и духовенства¹.

Государство в буквальном смысле проводило насильственную атеизацию общества², а вытеснение религии из общественной жизни было возведено в ранг важнейшей партийно-государственной задачи³. На первый план были выдвинуты административно-командные и репрессивно-принудительные методы религиозной политики⁴. Следует полагать, что силовое подавление религиозных институтов носило закономерный и в то же время вынужденный характер. Закономерный — в связи с глобальным социальным переустройством общества и ликвидацией традиционных основ жизни. В этом ключе коллективизация, начавшаяся в конце 1920-х гг., и борьба с религией выглядят как два вполне взаимосвязанных явления. По мере того, как к концу 1920-х гг. все четче вырисовывались контуры новой, прежде всего сталинской, модели общественного развития страны, все более однозначно жесткой и непримиримой становилась и конфессиональная политика государства. Вынужденный характер силовых методов подавления религии, по сути, был связан с провалом антирелигиозной работы и пропаганды в 1920-е гг. на местах, что достаточно четко прослеживается в документах партийных и советских органов власти в эту эпоху.

Литература

Андреева Л. А. «Православный строй» и коммунистический режим // *Общественные науки и современность*. — 2010. — № 6. — С. 105–114.

Бобровников В. О. Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане // *Этнографическое обозрение*. — 2001. — № 3. — С. 77–91.

Гусева Ю. Н. История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). — Нижний Новгород. — 2003. — 275 с.

Далгатов А. Г., Сулаев И. Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930 гг. // *Вопросы истории*. — 2010. — № 6. — С. 77–85.

Игнатов А. Отрицание и имитация: две стороны коммунистического отношения к религии // *Вопросы философии*. — 2001. — № 4. — С. 25–30.

Мухаметзянов А. А., Миннуллин И. Р. Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.). — Нижний Новгород. — 2008. — 148 с.

¹ *Гусева Ю. Н.* История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Нижний Новгород, 2003. С. 171–173.

² *Андреева Л. А.* «Православный строй» и коммунистический режим // *Общественные науки и современность*, 2010. № 6. С. 108.

³ *Далгатов А. Г., Сулаев И. Х.* Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930 гг. // *Вопросы истории*, 2010. № 2. С. 83.

⁴ *Набиев Р. А.* Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 84.

Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. — Казань. — 2002. — 244 с.

Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. — М. — 2009. — 136 с.

Семенов-Басин И.В. Символы российского православия и советской «политической религии» // Общественные науки и современность. — 2008. — № 4. — С. 125–131.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане 1920–1930-х гг.: из истории отношений // Российская история. — 2007. — № 6. — С. 144–155.

Islam in Russia: genesis and evolution

«HOW BOLSHEVIKS LOST ANTI-RELIGIOUS FIGHT»: RELIGIOUS POLITICS OF THE SOVIET STATE AND THE MUSLIMS OF SIMBIRSK/ULYANOVSK PROVINCE

Alexandr W. KOBZEV

Cand. Sci. (Hist.), associate professor,
Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov (4, Stoletyiya
Lenina sq., Ulyanovsk, 432700, Russian
Federation).

E-mail: alkobzev@yandex.ru

Abstract. In this article anti-religious propaganda and agitation among the non-Russian Muslim population of Simbirsk/Ulyanovsk province in the 1920s is considered within the frames of religious policy of the Soviet state. The article is based of party office documents kept in the State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. The state and the party both failed to make serious headway in spreading atheistic worldview among Muslim Tatars. In this regard, using of force to suppress religion at the turn of 1920–1930s was had the obliged and objective character. The documents of the party and Soviet authorities are stated the failure of anti-religious propaganda and work in the 1920s in the regions.

Keywords: Islam, Muslims, Tatars, antireligious propaganda and agitation, confessional policy of the Soviet state, Simbirsk/Ulyanovsk province

